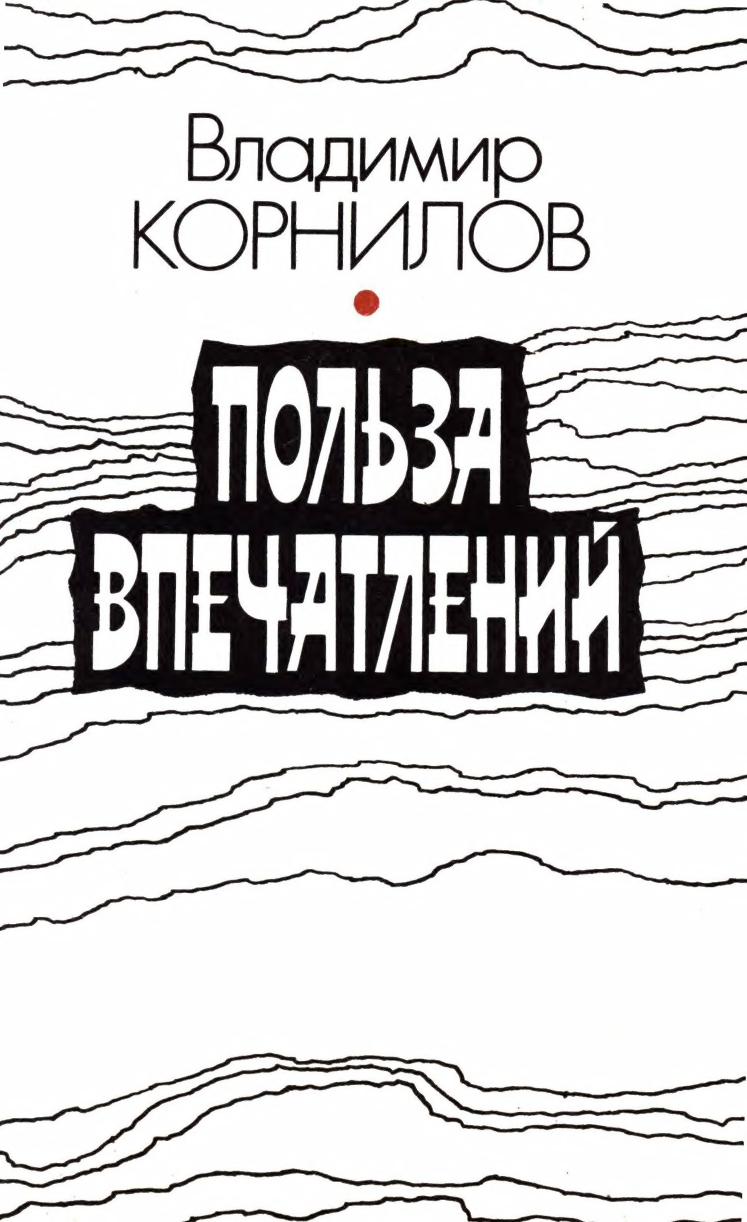

Владимир
КОРНИЛОВ

ПОЛЬЗА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Владимир
КОРНИЛОВ

•

ПОЛЬЗА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Владимир
КОРНИЛОВ

ПОЛЬЗА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Книга стихов

Москва
«Современник»
1989

ББК 84Р7
К67

Корнилов В. Н.

Польза впечатлений: Книга стихов / Вступ. статья Е. Евтушенко.— М.: Современник, 1989.— 111 с. (Новинки «Современника»).

К67

ISBN 5-270-00548-4

В сборник «Польза впечатлений» вошли стихи последних лет, уже опубликованные в столичных журналах, а также небольшая поэма «Прощание» и лирическая повесть в стихах «Удача Родиона Мордвинова, рассказывающая о судьбе молодого офицера. Действие этого произведения разворачивается в начале далекого уже 1953 года.

К $\frac{4702010200-011}{М106(03)-89}$ 149-89 **ББК84Р7**

ISBN 5-270-00548-4

Корнилов Владимир Николаевич

ПОЛЬЗА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Книга стихов

Редактор **В. А. Пальчиков**
Художник **М. К. Шевцов**
Художественный редактор **В. В. Покатов**
Технический редактор **Е. А. Васильева**
Корректоры **В. Н. Дробышева, И. И. Попова**

ИБ № 5466

Сдано в набор 7.06.88. Подписано к печати 9.11.88. А10131. Формат 70Х90/32. Гарнитура литер. Печать офсет. Бумага офсет. № 2. Усл. краск.-отт. 8,49. Усл. печ. л. 4,10. Уч.-изд. л. 4,12. Тираж 20 000 экз. Заказ 995. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

ПОЧТИ НЕ ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

В 1986 — 1987 годах охапками вывалились откуда-то, как из небытия, стихи Владимира Корнилова, и о них сразу заговорили. Они привлекли прежде всего «разговором по делу». Вместо восторгов по поводу так называемой «выстраданной свободы» или горделивого кивания на самого себя, как на ваятеля этой свободы и одновременно ее чуть ли не мраморное воплощение, Корнилов осмелился — единственный из всех сегодняшних писателей — открыто признать свою — а не чужую! — неготовность к свободе. Редкий пример мужества, хотя не готовы к свободе оказались, к сожалению, не только единицы. Читатели иногда обманываются, принимая элегантность литературных одежд за поэзию, а плохо одетый стих им кажется непоэтичным. Поэзия Корнилова — почти «непоэтична», и тем не менее это поэзия. Оказывается, характер поэта — это тоже художественное слагаемое поэтичности. Оказывается, неприкрашенная обнаженность — не менее ценна, чем метафоричность. В поэзии скупость иногда является видом щедрости.

Корнилов не доходит до ритмической прозы, шулерски подменяющей музыку стиха. Самой музыкой стиха он не упивается — жрецом он не родился. Он склонен к сюжету, к повествовательности — причем довольно неприбранной, растрепанной. На плохой рифме его нелегко словить, но хорошими рифмочками он не заигрывается. Ярких тонов в его поэзии нет — преобладает шинельный цвет и пыльный — от много прошагавших сапог. Мирная армия последних сталинских лет написана изнутри красками, выданными для плакатов, но использованными с

другой целью. Почему — «польза впечатлений»? Да потому, что кому-кому, а Корнилову они действительно пошли на пользу, включая самые неприятные.

Жизнь — это все-таки то, что всегда.
Смерть — это то, что однажды.

Замечательные строки, раскрывающие смысл «пользы впечатлений». Даже внутри газовых камер впечатления принесли бы пользу, если бы люди после этого могли бы воскреснуть и написать их. Но Корнилов знает безжалостный закон прижизненного невоскрешения и работает жадно, особенно сейчас, когда с детской доверчивостью он принял на веру обещания эпохи. Такая доверчивость делает ему честь больше, чем предварительная циничность и накаркивание бед людям, стране, человечеству.

У Корнилова есть свои счеты с эпохой, но он не унизился ни до трусливых покаяний, ни до злобства или злобненькости (второе происходит, когда не хватает темперамента на злобу). А если у эпохи есть свои счеты к нему, как и ко всем нам, то я думаю, что он с лихвой за это расплатился не лицемерно выдавленными извинениями, а прямотой и честностью, ибо нравственно он не изменился. Его изменение лишь в одном — в том, что он обрел надежду. В свои шестьдесят Корнилов находится в завидном расцвете сил и может сделать еще многое, что прибавит ему молодости.

Евг. Евтушенко

ТАРУСА

Ларе

Татары кричали:
— Там руса!..—
С тех пор и легенда крепка,
Что будто отсюда Таруса
Пошла — городок и река.

Здесь великолепны ландшафты,
И многие селятся тут,
С охотой оставили шахты,
Теперь на приволье живут.

В три тысячи жителей город,
А словно за речкой Орда,
Сегодня раздором расколот,
Хоть вовсе не езди сюда.

Такое в Тарусе смешенье
Решений, умов и идей,
Прожектов, советов и мнений,
Что нищ Вавилон перед ней.

...Иные умаются скоро
И прочь от осин и полян,
И от бесконечного спора
Наладятся за океан.

Другие, невзгоду осиля,
Обугленным духом тверды,
Ждать будут явленья России,
Какая была до Орды.

И что-то придумают третьи,
Четвертые — тут же их в дым!
И пятые веско ответят
Шестым, и седьмым, и восьмым.

Кто хочет — лови на наживку,
Кто может — давай на блесну!..
Я тоже долбаю машинку,
Но вряд ли кого соблазню.

И вару хватает и жару,
И тоже меня б занесло!..
Да только решать за державу
Совсем не мое ремесло.

В оставшейся четверти века,
Где на миллиарды расчет,
Отдельная жизнь человека
Едва ли кого привлечет.

...Татары кричали:
— Там руса!..—
И стоек легенды угар.
Но помню со школы: Таруса
Стояла еще до татар.

Еще не нагрянули гости,
А кто-нибудь в мирном году
Корябал себе на бересте:
«Жить горько и невмоготу...»

1978

РУССКИЙ РАЙ

Стать могла бы русским раем
Ярославская земля,
Но распята тракторами
Тут любая колея.

И каким был край чудесным
И как много растерял,
Сразу понимаешь, если
Ездишь по монастырям.

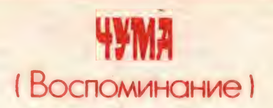
Все величие России
И разор ее земли
Все соборы отразили,
Все обители несли.

Здесь и прежде жили туго,
Знали горе и нужду,
Но, однако, над округой
Возносили красоту.

А теперь в провалах стены
И в прорехах купола,
И такое запустенье,
Будто тут Орда была,

Будто каменные были —
Церкви и монастыри —
Страстотерпцы возводили,
А хранили дикари.

1986

ЧУМА

(Воспоминание)

Вывелись вдоль Джоканды́
Кедры, и зверь, и корма —
В город ушли якуты́,
И поселился Чума.

Вроде бы он до сих пор
Долгие сроки трубил:
То ли чего-то упёр,
То ли кого-то убил.

Жил в полусгнившей избе —
Впрок, дескать, силу берег,—
На пропитанье себе
Мыть собирался песок.

Летом геологов тьма
Ходит вокруг Джоканды —
И веселится Чума,
Очекурев от еды.

— Что же волынишь, Чума?
Не за горами зима.
Станет когда Джоканда,
Много намоешь тогда?

— Ладно, плесни — не гордись —
Хрена научишь Чуму.
Я уж надумал надысь,
Как и откуда начну.

Я же фартовее всех,
Всех вас куплю и продам.—
...Лето ушло, выпал снег,
Значит, айда по домам.

...Жизнь моя, ярок твой цвет,
Резче любого кино,
И хоть везения нет,
Но впечатлений полно.

Так почему, не пойму,
Времени столько спустя,
Сызнова вспомнил Чуму,
Что по уму был дитя?

Или припай Джоканды
Крепок, а холод жесток?
Или у каждой беды
Давности срок не истек?

1987

ДЕТИ

Белая, как Ницца,
Новая Москва.
Детская больница
Около моста.

В боксах и палатах,
В коридорах плач —
И миропорядок
Свой переиначь.

...Пусто в безразличных
Тусклых небесах,
Но зато в больничных
Густо корпусах.

Это всё мы сами
Натворили бед:
Никого над нами
Не было и нет.

Оттого, что столько
Льем в себя питья,
На казенной койке
Корчится дитя.

От нечеловечьей
И вражды и лжи
У него увечье
Тела и души.

Недруг, друг — опомнись!
К пропасти летя,
Как шофер — про тормоз,
Вспомни про дитя.

Все тебе не мило,
Все тебе — не то...
Но спасенье мира —
Помнить про дите!

1965

ПЕСНЯ

Песня долгосрочнее идеи:
Вроде бы идею поделом
Отжили давно и отгалдели,
Песню, смотришь, сызнова поем.

Видно, развязаться невозможно
С песней, хоть неправильно вела
И уже отстала безнадежно,
А чего-то все равно мила.

Что за распроклятое такое
Колдовство и что за чудеса,
Что и горе вовсе в ней не горе,
Не позор, а память и слеза?!

И с надрывом чуть ли не острожным,
Для чего — не разберем пока,
Вновь поем о ненавистном прошлом,
Словно не простились на века.

1987

ПОЛЬЗА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

●

С лихвою дождя и снега,
Приперченного тоской,
В неполные четверть века
Изведала ты со мной.

Но, может, не вовсе втуне
Иные года пройдут?
Припомни, как мы в Батуми
Удрали из Гудаут.

Припомни базар горластый,
Что смахивал на бедлам.
Какие творили яства
По разным его углам!

И жаренье на шампуре,
И много чего еще,
И хаши, и хачапури,
И лобио, и харчо.

...А помнишь, и в Ереване
Был рынок совсем не слаб,
И мы с тобой пировали,
В лаваш завернув кебаб.

И мы с тобой колесили,
Аж ветер гудел в ушах!
С утра мы в Эчмиадзине,
А в полдень мчим в Арташат.

В Гегарде и в Аштараке
И сплошь по дороге всей,
Неверующие бедняги,
Шалели мы от церквей.

В Армении нету моря,
Армения на горах.
От моря — стране на горе —
Христа отогнал аллах.

С того-то так щедро храмы
Росли на отрогах гор,
И хоть не лечили раны,
Зато просветляли взор.

...Дорожные впечатленья —
Базарный пейзаж и та
Высокого назначенья
Суровая красота —

Снегам вопреки и ливням,
Гудящим и день и ночь,
Наверное, помогли нам
Немалое превозмочь.

1986

ОЖИДАНИЕ

Возвратишься из Польши,
Приземлимся в кафе
И с фужера — не больше,
Вовсе не под шофе.

Я, все тот же, такой же
Шалопут, пустельга,
Повторю, что, как Польшу,
Обожаю тебя.

Ничего не ответишь
И подумаешь: врет.
Ты давно мне не веришь
Ни на грош, ни на злот.

Что ж, тебе я не пара,
И не зря наподряд:
«Прочь, пока не пропала,
От него...» — говорят.

Повидала ты Краков,
И Варшаву, и Лодзь,
А я все одинаков
И охаян насквозь.

Ни в какую Европу,
Даже в самую близь,
Подобру-поздорову
Не попасть мне ни в жизнь.

Точно Речь Посполита,
Ты мне вроде мечты,
А она до обиды
Недоступна, как ты.

Вот и нету покою
Сердцу и голове...
И, наверно, со мною
Не пойдешь ты в кафе,

Где сижу я всех дольше
И твержу не в хмелю,
Что тебя больше Польши
И свободы люблю.

1963

ВИНА И ЗАГАДКА

•

Я люблю тебя, тощую,
Как вначале, взахлёб.
Что ж ты брови наморщила,
Напечалила лоб?

А глаза огорченные
Все равно зелены
Да и волосы черные
Без клочка седины.

...Не звенела гитарою
Наша гулкая жизнь,
А вовсю помытарила,
Так, что только держись!

И громами и тучами
Одарила с лихвой,
И звездою падучею,
И моею виной.

...Виноватый, навытяжку
Пред тобою стою.
Я люблю твою выдержку
И загадку твою.

Счастье мне, многогрешному,
Что гордясь и любя,
Как в начале, по-прежнему,
Не постигну тебя.

Сколько строк ни раскатывал
За годов двадцать пять —
И тебя в них разгадывал
И не смог разгадать.

Были строфы несдержанны
И надежды полны,
Но без тайны нет женщины
И любви без вины.

1987

ПРОЩАНИЕ

I

Хоть спал я, мне было странно,
Что летняя ночь свежа.
А сон был под стать роману
Фантаста из США:
Москва заросла бурьяном
До верхнего этажа,
Акации лезут в раму
Настырно, как сторожа.
От пристальности охраны
Смутилась моя душа.

II

Я помнил, что скорость леса
Примерно два метра в год —
Кроша бетон и железо,
Природа на город прет:
Ей надобно до зарезу
Сгубить человечий род,
Иначе он для прогрессу
Под корень ее сведет,
Хотя повсеместно врет,
Что шелест леса — как месса,

III

А лес — все равно что храм,
Вместилище благодати,
Где самый последний хам
Мягчает нежней дитяти.

(Он к ягодам и грибам
Таскается Христа ради...)
И все-таки рубят храм
На стулья, столы, кровати,
Доносы, стихи и, кстати,
На доски нашим гробам...

IV

Наверное, эти мысли
Давно уже не в цене.
Но мне они мозг изгрызли...
И вот я глядел во сне
На жизнь после нашей жизни
Во всей ее новизне!
И вдруг надо мной в окне
Взаправду листья повисли,
Огромны и ненавистны...
За что же такое мне?

V

Да уж не конец ли мира? —
Тоскливо подумал я.
К тому же так было сыро,
Как будто вблизи земля.
(А раньше была моя
На самом верху квартира!..)
Не атомом ли хватило
По шарику? Где семья?!
И вдруг затрясло, забило,
Пошло колотить меня.

VI

Атакой ли алкогольной
Раздолбан рассудок мой?..

Какой-то парник стекольный,
В нем холодно как зимой.
Дрожу и сержусь: на кой мне
Тут стыть?.. И хочу домой,
И все же лежу на койке
Под шубой и простыней.
И вдруг сознаю: покойник
Покоится за стеной.

VII

И трупа боясь, как сглазу,
Весь апокалипсис вмиг,
Все страсти слиняли сразу,
Как будто не было их.
...Оглядываю террасу,
Похожую на парник,
Где зябнул, а все же дрых.
(Зашел, видно, ум за разум —
И я, что помер старик,
Не вспомнил во сне ни разу...)

VIII

Вчера ж, когда он усоп,
С печалью не знал я сладу —
Протрясся, прощаться чтоб,
Сто с гаком верст автострады.
...Несло сладковатым смрадом,
И мучил меня озноб,
Но не зажигали ладан
И не приглашался поп.
Усопший был глух к обрядам
И лег не покаясь в гроб.

IX

С того и приснилась ночью
Мне смерть, превратившись в лес
(Который, гибель пророча,
Всей прорвой на город лез...).
Затем, чтоб сосредоточил
На ней я весь интерес
И понял: она — не прочерк
В бумаге... не значит — без
Усопшего жить закончим...
А смерть — это мир исчез!..

X

Смерть каждого — только проба
Твоей. Вот и думай впредь
О том, как ты встретишь смерть.
...Одевшись, я сел у гроба.
На мертвом такая роба
И обувь, что стыд смотреть...
Еще он усох на треть.
Но вдруг — хоть закрыты оба —
Глаза, как два телескопа,
Из гроба глядят за твердь?

XI

В проклятую неизвестность
Упрямо глядят глаза.
Но тягостна бесполезность,
Поскольку про всё и вся,
Про местность и про окрестность,
Про муки и чудеса,
Про бедность и про помпезность,
Про кущи и голоса,
Про вечную бестелесность
Ему и соврать нельзя.

XII

Блаженны нищие духом,
Идут они цугом в рай.
Пусть каждому по заслугам,
Тогда что заслужит враль?
...Страдая таким недугом,
Хватал старикан за край.
Я слушал его с испугом
И даже впадал в раздрай...
Но все ж ни которым кругом,
Господь, его не карай.

XIII

Повадкою старомоден,
Однако притом ловкач,
И вздорен, и благороден,
И по пустякам горяч,
До старости беззаботен —
Транжира, лентяй, лихач,
От зависти был свободен,
Пускай сам писал — хоть плачь!..
Но, дружбам всецело отдан,
От каждого ждал удач.

XIV

Азартно, а не надсадно,
Как будто играл в игру,
Хоть не прикасался сам-то
Ни к бревнам, ни к топору,
Поставил дом в две веранды
Над речкою на юру.
И не одни таланты,
Попавшие в ту дыру,
По одному и стадно,
Пришлись ему ко двору.

XV

Любил он гостей и женщин,
Но обожал собак.
Гонороват, несдержан,
Из племени забияк,
Испугу бывал подвержен,
Но все ж после передряг,
Все прóтори преуменьшив,
Опять принимал бедняг.
Он щедрым был, как помещик,
Хотя по деньгам — бедняк.

XVI

Зато он умел порядок
В чужом наводить быту,
Нужду обратить в достаток
И отвести беду.
(Меня — мне шестой десяток —
Пригрел он, как сироту.)
Широк был, хотя и шаток,
И много терпел нападок
За слабость, неправоту
И даже за доброту.

XVII

(Строфою десятистрочной
Пишу, хотя невтерпеж...
Но я ее взял нарочно:
Катренный обрыдл скулеж,
Надеялся: в ней уж точно
Поместится все, что хошь...
На что же мой стих похож?
На желоб, на водосточный,
В котором дождь полуночный
Бормочет одно и то ж...)

XVIII

Покуда я так занудно
Себя упрекал за дурь,
Настало хмурое утро,
Теряя и хмарь, и хмурь —
Трава стала изумрудна,
А в небо вплыла лазурь...
(Видать, им без нас уютно!
Беспутно живи, хоть путно,
Хоть с бурями, хоть без бурь,
Постись или бедокурь —

XIX

А вот все равно природа
Довольна, когда мы мрем.
Во сне я про это что-то
Усек и увидел днем...)
Меж тем, впопыхах дремоту
Гоня, поднимался дом,
Как взвод, когда помкомвзвода
Со сна заорет: «Па-а-дъем!»
Пора раздвигать ворота,
В калитку не пронесем.

XX

Нет, не был торжествен вынос,
Мы подняли старика —
И ужас воочью вылез:
Качаясь, три мужика
Гроб тащат... В обряде примесь
Макабра и кабака.
Праправнук гробовщика,
Идти с ними в ногу силюсь,

И чувствует досок сырость
Сквозь хлопок моя щека.

XXI

Кладбищенского Шекспира
(Из «Гамлета» пятый акт)
Жизнь нынче перешерстила
Почище, чем Пастернак.
Где истина, где сатира —
Тут не разберешь никак.
(Эх, лихости не хватило
Такой передать бардак!..)
Но вот наконец квартира,
Где полный наступит мрак.

XXII

Какое большое небо!
А яма неглубока,
И выкопана нелепо,
И желтая, как тоска.
(Водяру пили свирепо,
А глину рыли слегка...)
Но вот выбегает слева
Речушка из-за леска,
И я оглядел без гнева
Прибежище старика.

XXIII

Приветливее погоста
Не сыщется все равно.
Пусть глина точно короста,
А все-таки от подроста
Покойно и зелено.

Вот в гроб заколотят гвозди,
Опустят тебя на дно —
И станешь легко и просто
Ты с родиной заодно.
...Не каждому так дано.

XXIV

Погост — последняя веха,
А также верный итог:
С отечеством человека
Сродняет на вечный срок.
Тут ни суеты, ни спеха,
Никто тут не одинок,
И скученность — не помеха,
И путь сюда недалек.
...И жаль мне тех, кто уехал,
Кто в землю чужую лег.

XXV

Прощай, старикан капризный!
Какой уж ты там ни есть,
Хвала тебе днесь и присно,
На веки вечные честь.
В отзывчивости неистов,
Себя мог другим принесть.
Спасибо за триединство:
За то, что ты весь был здесь,
За то, что ты здесь родился,
За то, что сгодился здесь.

XXVI

Поистине был ты чудо,
В тебе было тьма тепла.

Где нынче его добуду?
Молчу и креплюсь покуда,
Но худо мне без тебя.
...Вдруг — бух-бух! — трясло с минуту...
Гром глина бомбила, будто
Предсказывала пальба:
«Ни мира вам, ни добра,
На всех вас — одна судьба!

XXVII

К такому-то всех вас черту!
И порознь, и весь ваш род!..
Хотя и звучите гордо,
Но гордость вас подведет.
Под атомные аккорды
Узнаете зависть к мертвым:
Ведь солнце не продерет
Задымленный небосвод,
И города, как аорты,
От холода разорвет.

XXVIII

Счастлив, научил вас Тютчев,
Кто мир посетил не в гладь,
Не в тишь, а в минуты бучи...
(Эх, лучше б не посещать!..)
Потом, как сегодня — тучи,
Развеются дым и чадь,
И станут леса дремучи,
И реки не хлынут вспять.
Природа в благополучье
О вас не будет скучать!..»

XXIX

Такие-то вот угрозы
Звучали в моем мозгу,
Но плакал, глотая слезы,
Я только по старику.
Космические морозы,
И каменную пургу,
И прочий набор сверхпрозы
Почувствовать не могу.
А эта смерть — как заноза
Застряла в моем боку.

XXX

Прощай и суди не строго,
Прости, что мой стих уныл,
Прости, что гневное око
Совсем не туда вперил,
Что каждое лыко в строку
Я ставил, прости, что рыл
Беспомощно и убого,
Как эти творцы могил...
Иначе тебя, ей-богу,
Таким бы не сохранил.

1983

ГУМИЛЕВ

Три недели мытарились,
Что ни ночь, то допрос...
И ни врач, ни нотариус,
Напоследок — матрос.

Он вошел черным парусом,
Уведет в никуда...
Вон болтается маузер
Поперек живота.

Революции с «гидрою»
Толку нянчиться нет,
И работа нехитрая,
Если схвачен поэт.

...Не отвел ты напраслину,
Словно знал наперед:
Будет год — руки за спину
Флотский тоже пойдет,

И запишут в изменники
Вскорости кого хошь,
И с лихвой современники
Страх узнают и дрожь.

...Вроде пулям не кланялись,
Но зато наобум
Распинались и каялись
На голгофах трибун,

И спивались, изверившись,
Если вывез авось...
И стрелялись, и вешались,
А тебе не пришлось.

Царскосельскому Киплингу
Пофартило сберечь
Офицерскую выправку
И надменную речь.

...Ни болезни, ни старости,
Ни измены себе
Не изведал
и в августе,
В двадцать первом,
к стене

Встал, холодной испарины
Не стирая с чела,
От позора избавленный
Петроградской ЧК.

1967

МЕТРО

•

Кафель, мрамор и море неона —
Красота! И такая тоска,
Что спохватишься вдруг удивленно:
Под землею Москва — не Москва.

Тут в жарищу подышишь в охотку,
И не холодно тут в холода,
Но бегут друг за другом вдогонку
Поезда, поезда, поезда.

В быстроте здесь одно утешенье,
А другого — ни в чем и ни в ком:
Городской холодок отчужденья
По туннелю свистит сквозняком.

Никого ведь не кормим, не поим,
И, похоже, уже навсегда,
Но зато столько роем и строим,
Что бегут сплошняком поезда.

Рви отсюдова напропалую,
Протрезвей и уже не держись
За подземную, полуслепую,
Очумелую эту не-жизнь.

За озерной, за далью лесною
Есть куда посчастливей места...
Но, однако, бегут под землею
Поезда, поезда, поезда.

1987

СЛАВА ПЬЕЦУХ

В регрессах и прогрессах
И в придурях Клио́
Прозаик Слава Пьецух
Насвистан, как никто.

Ему знакомы тайны
Столетия за три
И скопом, и детально,
И как бы изнутри.

Любой сюжет учебный
Он так разворошит,
Что, мысля как Ключевский,
Как Зощенко смешит.

И так поставит фразу,
Что кажется: она
И набело, и сразу,
И саморождена.

Пришла эпоха сюра,
А с чем ее встречать,
Не знает профессура,
Не ведает печать.

И Слава Пьецух трудно
Живет, признанья без,
Хоть простота абсурда
Нужна нам позарез.

1987

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

•

На канале шлепнули царя —
Действо супротивное природе.
Раньше убивали втихаря,
А теперь при всем честно́м народе.

На глазах у питерских зевак
Барышня платочком помахала,
И два парня, русский и поляк,
Не могли ослушаться сигнала.

Сани — набок... Кровью снег набух...
Пристяжная билась, как в припадке...
И кончался августейший внук
На канале имени прабабки.

Этот март державу доканал.
И хотя народоволке бедной
И платок сигнальный, и канал
Через месяц обернулись петлей,

Но уже гоморра и содом
Бунтом и испугом задышали
В Петербурге и на всем земном,
Сплюснутом от перегрузок шаре.

И потом, чем дальше, тем верней,
Всё и вся спуская за бесценок,
Президентов стали, как царей,
Истреблять в «паккардах» и у стенок.

**В письма запечатывали смерть,
Лайнеры в Египет угоняли...
И пошла такая круговерть,
Как царя убили на канале.**

1972

ТЯЖБА

Целых два сборника нарифмовал,
Скорую гибель пророча.
Верно, забыл, что прискорбный финал —
Точка, а не многоточье.

В опере только позволено так,
Длани вздевая в усердье,
Петь-упиваться пол-акта и акт
Ненастоящею смертью.

А настоящая — хоть и беда,
С жизнью не выдержит тяжбы;
Жизнь — это все-таки то, что всегда,
Смерть — это то, что однажды.

1987

БЕЗ ОЧЕРЕДИ

По жухлой траве, по сочной,
По лужам или по льду
В какой-нибудь год уж точно
Без очереди пройду.

Пускай там донельзя густо
Натыкался разный люд,
Я знаю: меня пропустят
И даже не попрекнут.

Давно свое место занял
И не покидал свой ряд,
Но вот на такой экзамен
Выкликивают наугад.

Для самоотвода повод
Не сыщешь и не ищи,
А попросту будь готовым
И поутру, и в ночи.

1987

ДОРОГА

Из прошлого в грядущее
Тоска меня вела
Такая проклятущая,
Как в город из села.

Подковки били весело,
Подметки ног не жгли.
Пейзажная поэзия
Мерещилась в пыли.

И, хохоча над будничным,
И молод и спесив,
Я переполнен будущим,
Из прошлого спешил.

Но путевая живопись
Убавилась в красе,
И молодость осыпалась,
Как роща вдоль шоссе.

И тут уж к пущей радости
Увидел по пути:
От зрелости до старости
Недалеко идти.

Эх, прежнее, дорожное,
Пехотное — ать-два!
И вроде что хорошего
Теперь сулит ходьба?

Одно лишь направление,
Другой нет стороны —
А все же тем не менее
Шагаем хоть бы хны.

1972

ПОСТОЯНСТВО

•

Ни при какой погоде,
Хоть дело было — гроб! —
Со мной иного вроде
Случиться не могло б

Ни в самом светлом годе,
Ни в горевом году,
Ни при какой погоде
И ни в каком бреду,

Ни при которой льготе,
Ни на какой волне,
Ни при какой погоде
Не пофартило б мне...

Что молодость, что старость —
Одна вела судьба,
И наконец осталось
Донашивать себя.

Но даже на излете
Одно могу опять:
«Ни при какой погоде...» —
Как заповедь шептать.

1979

СВОБОДА

Не готов я к свободе,
По своей ли вине?
Ведь свободы в заводе
Не бывало при мне.

Никакой мой прапрадед
И ни прадед, ни дед
Не молил христа ради:
«Дай, подай!»
Видел: нет.

Что такое свобода?
Это кладезь утех?
Или это забота
О себе после всех?

Неподъемное счастье,
Сбросив зависть и спесь,
Распахнуть душу настежь,
А в чужую не лезть.

Океаны здесь пота,
Гималаи труда!
Да она несвободы
Тяжелее куда.

Я ведь ждал ее тоже
Столько долгих годов,
Ждал до боли, до дрожи,
А пришла — не готов.

1987

РАДИОПЕРЕДАЧА

Сильве Капутикян

Колесико, что ли, крутнул
Сегодня сильнее? —
И вот среди ночи Стамбул
Несет ахинею.

Меня выдирая из сна,
Вещает во мраке,
Мол, черного года резня —
Армянские враки.

А ну не мели, не юли,
Брось, диктор, кульбиты!
История каждой земли
Убийством набита.

Отсталых и главных здесь нет,
Все как бы на равных...
И жаль, если держит ответ
За прадеда правнук.

Не стоит ответа держать.
Сегодня будь счастлив,
Что поздний,
что можешь дышать
Своим неучастьем.

Дыши!.. Обелять не спеши
Лихое наследство.
Пойми: несвобода от лжи
Доводит до зверства.

Послушай, не будем крутить,
А врать — и тем паче:
Минувшего не утаить,
Не переиначить,

Не стоит с ним также играть
Ни в прятки, ни в жмурки,
А то можно стыд потерять,
Как радиотурки.

1987

БОГ

•

Ты понял бога, правильного бога.
Нет, не Того, что в тверди голубой...
А прежде жил нелепо и убого,
Вставал с утра с тяжелой головой.

Натягивал на тело рваный свитер,
Влезал в раструбы невозможных брюк,
Бродил Москвой, а бога не увидел,
Поскольку он в тебе, а не вокруг.

Недаром Лермонтова чтил и Блока,
Толстого подымал превыше всех...
А те, что в сердце не имели бога,
Раскалывались, как пустой орех.

Сквозь леность душ, сквозь их корысть и розность,
Сквозь черствость и угаснувшую страсть
Пускай ведет тебя религиозность,
Не даст ни покачнуться, ни упасть.

1959

ХОЛСТ

•

Я не любил восточных сказок
За пышный стиль, за дикий нрав,
За то, что, властелина сглазив,
Там воцарялся хищный раб.

Я больше верил в быт неяркий
И в справедливость мелочей.
Но все ж вошел в музей подарков
В одну из тысячи ночей.

Еще недавно в жизни нищей
Была по карточкам еда.
А залы плыли, как добычей
Перегруженные суда.

Взамен Ван-Гогов и Сезаннов,
Марке, Матиссов и Дега,
Что были высланы из залов
В подвал, подальше от греха,

Такие громоздились дива,
Так выставлялись напоказ,
Что зритель жался сиротливо
Среди надаренных богатств.

Но вдруг, от блеска одуревший,
Я вздрогнул и забыл про все:
Увидел чудом уцелевший
Холст молодого Пикассо.

Не броско был и не картинно
Написан как бы натощак
Не то чулан, не то квартира,
Мансарда, попросту чердак.

Железная торчала койка,
Но бедный быт не унижал,
И там в объятьях дерзко, долго
Мужчина женщину держал.

Лиц не было, но было ясно,
Что это вовсе не жена,
Но для него она прекрасна
И позарез ему нужна.

Я видел: он — ее забота,
Я знал: она — его судьба.
Такая в них была свобода,
Что я до слез жалел себя.

...Парадно, хищно, власти ради,
Музей подарками рябил,
А там, во Франции, в мансарде
Мужчина женщину любил.

Он прижимал ее к рубахе,
И что поделать с ним могли
Все короли и падишахи,
Все усмирители земли?!..

И я, двадцатилетний парень,
Нисколько не хватавший звезд,
Вдруг понял: этот холст опален,
Как всякий настоящий холст.

И стало горестно и грустно,
Просторно стало и светло,
И сопричастностью искусству
И гордостью меня прожгло.

1967

ПОЭТЫ

•

В задоре, а может, в запое,
С похмелья, с трезва — все одно,—
Но только в своем Гуляй-Поле
Обмолвился батька Махно:

«Актеры и девки охочи
Любому, кто сверху, служить...»
А знал атаман, между прочим,
Почем в лихолетии жить.

Едва ль не мальчишкой отведав
И кровь, и этап, и острог,
Он все же причислить поэтов
К актерам и девкам не смог.

Жестоким был Нестор Иваныч,
А все ж понимал, голова:
Поэты не падают навзничь,
Не лают чужие слова.

Не менее, чем Откровенье
Подай им — и вся недолга,
А там хоть хула, хоть забвенье,
Зато не презренье врага.

1983

45-МИЛЛИМЕТРОВЫЕ ПУШКИ

•

Старый друг помирает от рака,
Понимает, что нынче помрет,
А куда подевалась отвага
И откуда испуг — не поймет.

«Был на фронте я вроде в порядке,—
Шепчет будто кому-то в укор,—
Две несчастные «сорокапятки»
Выдвигал на открытый бугор.

За какую ж такую ошибку —
Или что-нибудь сделал не так? —
Заманили меня на Каширку
И нашли метастазы в костях?»

От беспамятства и лихорадки
Снова тащит войну на горбу,
И две маленьких «сорокапятки»
Открывают по танкам стрельбу.

...Сорок лет, как бои поутихли,
Ветераны качают внучат...
А в мозгу «фердинанды» и «тигры»
Бьют, ползут, громыхают, рычат.

Умирая в палате отдельной,
Принимает последний свой бой
Лейтенант, холостой и бездетный,
И опять молодой-молодой...

Принимает его без оглядки...
Врач вошел, повздыхал и не спас.
И отважные «сорокапятки»
Расстреляли свой боезапас.

1984

О. Ермолаевой

Отчего отстает поэзия?
От чего отстает она?
Да и что ее бесполезнее
В переломные времена?

Получается, будто истина
От стиха как жена ушла,
А талантлива публицистика
И воинственно-весела!

Это радостно! Это правильно!
Вот кто нашу спасет страну!
А поэзия неприкаянно
Прозевала свою страду.

Публицистика рушит надолбы,
Настилает по топям гать,
А поэзии думать надобно,
Как от вечности не отстать.

1988

СТАРАЯ ВЕЩЬ

•

Странная вещь —
Старая вещь,
С рифмами повесть.
Выела плешь,
Вгрызлась, как клещ,
В сердце и совесть.

Ты моя боль,
Ты мой укор,
Бедное чадо.
Как быть с тобой,
Раз до сих пор
Не напечатал?

До сей поры
Ты «вне игры»,
Все еще в нетях.
А с той поры
Минуло три
Десятилетья.

Стала стара
Старая вещь?
Зря пролежала?
Или игра
Стоила свеч,
Стоила жара?

1987

УДАЧА РОДИОНА МОРДВИНОВА

(Повесть в стихах)

•

1

Был вагон не купирован,
Грязный, старье старьем,
И к тому ж оккупирован
Младшим офицерьем.
Это с армейской сворки
Мы сорвались, как псы,
И натаскали водки,
Килек и колбасы.

В небе после чистилища
Песни поет душа.
Так же после училища
Жизнь была хороша.
Странный вагон качался,
Кто-то стонал порой.
...А за окном кончался
Год пятьдесят второй.

В белом снегу погон
Спал офицерский табор.
Встал я
            и через тамбур
Вышел в другой вагон.
Было тут попросторней,
Чище и попристойней,
Пахло не табаком —
Мылом и молоком.

Возле дверей два деда,
Каверзных игрока,
Резались в «дурака».

Рядом сидела девка.
(Пуда четыре груза,
Щелочки вместо глаз...
Словом, была Маруся
Вовсе не экстракласс.
Но толковал мне опыт:
Невелика беда —
Главное, это чтобы
Было пойти куда...)

Вел я себя развязно,
Перескочил на «ты»:
— Где квартируешь?
— В Клязьме.
(Сорок минут езды...)

...В тамбуре, на площадке,
На сквозняке ночном,
Тискал ее нещадно,
К стенке прижав плечом,
И соглашалась вроде:
— Бешеный, погоди...
Видишь, тут негде, Родя...
Вечером приходи...

«Ох, Родион! Что ж, Родион! —
Я слышал в ветре ледяном.—
Мордвинов Родион Кузьмич,
С училища — Мордва!
Гуляй и пей и не казнись,
Теперь все трын-трава.

Теперь ты техник-лейтенант,
Бродяга-офицер,
И что тебе до тех телят,
Что ищут в жизни цель?»

...Поезд из Ленинграда
Прибыл в двенадцать дня.
— Ну вас, ребята, к ляду,—
Лаялась шоферня.—
Сядут баллоны к черту!..
— Ладно...
— Давай!
— Грузи...

Дюжины две такси
Тронулось с Каланчевки.

...Каменная коробка.
Посередине —плац.
Сызнова формировка —
И не скули, не плачь...

Маленький подполковник
Тявкнул:
— Прислали вас?
Что ж, разбирайте койки.
Ждите. Придет приказ.

...Чуть ли не в пол-Арбата
Кубрики были здесь.
Было здесь нашего брата
Уйма — не перечесть!
Заспанные мужчины,
Скиснув от матерщины,
Пота и табака,
Наминали бока.

Слышалось:
— Бубны...
— Черви...
— Без козырей...
— Ложись...

Словом, я был в резерве,
Мне улыбнулась жизнь.

Ох ты, моя цыганская
Планида офицерская,
Сманила ты неясною
Мечтою полудетскою,
И кителем с погонами,
И хромовыми солнцами,
И галифе суконными,
И длинными червонцами...

Нынешнее возвращенье
На просторы Москвы
Было как ворошенье
Облетевшей листвы.
Впрочем, давно слетели
Листья со всех дерёв —
В сквере обледенели
Герцен и Огарев.

...Помню, на третьем курсе
Что-то я понял вдруг,
Истины чуть коснулся —
И захватило дух!..
Может, не больше краешка
Малого увидал,
Только хватает камешка,
Чтоб начался обвал.

(Понял я, что невместно
Знать — и теперь дрожи...
Цель — хороша, но средства
Точно нехороши.
Цель бескорыстно-праведна,
Путь — не по силам крут...
И ни огрызка пряника,
Лозунг взамен и кнут...)

Нет, словеса благие
Не перевесят зла...
Хуже, чем малярия,
Совесть меня трясла.
«Нас обманули, кореш!» —
Крикнуть бы во всю мочь.
Только кому откроешь
То, что один поймешь?

Я запустил учебу,
Плюнул на деканат;
И про мою особу
Вспомнил военкомат.

...Снова по тротуарам
Шел и в толпе тонул.
Встретивши генерала,
К шапке ладонь тянул.
День пролетел без цели...
Что еще впереди?..
Стоило в офицеры
Из рядовых идти,
Стоило, скажешь, разве
Столько хватать «губы»,
Чтоб завалиться в Клязьму?..
Лучшей я ждал судьбы.

Были две-три подруги —
Знал, к ним проедешь зря:
После такой разлуки
Многого ждать нельзя.
Некуда было деться —
Прошлое растерял...
И, как святое средство,
Вспомнился ресторан.

...Свесились с потолка
Три голубые люстры...
Было в раю пока
Тихо и в общем пусто.
Выбрал последний столик
В правом ряду, в углу.
Пил не спеша — был стоек,
Мазал на хлеб икру.
И через час как будто
Скуку на нет свело.
Было вокруг светло,
Чисто, тепло, уютно —
Славно...
И разом к черту
Все полетело вдруг —
Я увидал девчонку
В метрах примерно в двух.

Словно бы оглянулась
Память моя —
и вот
Снова апрель и юность
И сорок пятый год:
Ног под собой не чуя,
Стоя у лестницы,
Жду появленья чуда —
Худенькой сверстницы...

Тот же похожий, милый
Детских бровей разлет.
Сомкнутый и кармином
Не униженный рот,
Ямка на подбородке,
Родинка у виска —
Все говорило:
— Родька,
Вспомни — твоя тоска!..—
С нею сидело двое
Славных собой ребят,
Тех, что по пьяной воле
Хаму не нагрубят.
И, распустив улыбку,
Я, притворясь хлыщом,
К ним потащил бутылку
И заказал еще.
Встреча «войны» и «мира»
Здесь удалась вполне.
Новое имя Кира
Пело уже во мне.
Кир был царем, царевна —
Кто же еще она!
Дальше как звать? Сергевна.
Кира Головина...

Плыли куда-то люстры,
Тихо текло вино.
Так хорошо и грустно
Не было мне давно.
Нежно фужеры двигал,
Вежливо говорил:
— Ведь не мешаю, Игорь?
Верно ведь, Михаил?

Ближе сдвигали кресла,
Пить начинали смесь...

Девушка вдруг исчезла,
Хоть и сидела здесь.
Челку и белый свитер
Я, захмелев уже,
Лишь временами видел,
Видел как в мираже.

...Ресторанный оркестр
Во главе с фортепьяно
Весь — прямо весь как есть! —
Мне изливался пьяно.
Томный аккордеон
Осведомлялся часто:
— Счастлив ты, Родион? —
И отвечал я:
— Счастлив.—
Спрашивал барабан,
Всею гудя утробой:
— Ты бы один пропал? —
Я отвечал:
— Еще бы!..—
Скрипка наперебой
С флейтою голосила:
— Что там она — любовь!
Дружба — вот это сила!
Всюду стоит зима,
Носу не сунь наружу.
Впору сойти с ума...
Так что налей за дружбу!..

Я разливал, раззява...
Девушка не пила.
Вдруг поднялась,
сказала:
— Все-таки спать пора.—

И до обиды трезво
Кинула мне:
— Мерси.—
Вышла. Оделась. Влезла
С Мишкой в одно такси.

— Видишь,— съязвил я,— Игорь,
С девушками беда:
Им нетерпеж великий...
Нам-то спешить куда?

Дула в затылок вьюга,
Радость текла в груди:
Все же не шутка друга
Хоть одного найти,
И под шинелью, слева,
С яростью естества
Чувство шестое зрело —
Равенства и родства!

...Ветер умолк, как шавка,
Видно, и сам замерз.
Вышли мы на Можайку,
За Бородинский мост.
Там поднялся, как глыба,
Серый унылый дом.
ОВОЩИ КНИГИ РЫБА
Я прочитал на нем.

...Это была квартира
Только дворцу под стать!
Жизни бы не хватило
Все это распродать!
Книги, картины, вазы,
Гобелены, ковры...

Я очутился сразу
Вроде как вне игры...

Игорь под краном вымок —
На пол со лба текло.
Я — разглядывал снимок,
Вправленный под стекло:
С чубом лихим, как конник,
Снят был врагам на страх
Медицинский полковник
В бляхах и орденах.

Я подмигнул:
— Родителю
Светит уже небось
«Ваше превосходительство»?
— Брось,— побледнел он,— брось...

(Этот ночной рассказ
Жег меня как изжога.
Верно, я в первый раз
Горя хлебнул чужого.
Через недели две
Все прочитали в «Правде»,
Ну а тогда в Москве
Мало кто знал, представьте,
Что уж не счесть ночей,
Как начались аресты...
И четырех врачей
Взяли у них в подъезде.)

Игорь меня потряс:
Что это всё и для ча?!

— Где же отец?
— В запас
Выгнан. Сидит на даче.

...Встала в моем мозгу
Вдруг такая картина:
Дача стоит в снегу,
В комнате — холодина,
И человек сидит
В беспогонной шинели
И не спит, и не спит
За неделей неделю.
Уж обросли небось
Сивой щетиной щеки...

Я бы такой не снес
Муки и безнадеги.
— Бред,— вдруг сказал я,— мрак!..
Байки для темной бабы.
Врач никому не враг
Уж потому хотя бы,
Что никаких врагов
Он ни за что б не нажил,
Раз уж врагов готов
Так же спасать, как наших!..
Мрак,— повторил я,— бред!..
Что-то стряслось на свете...
Есть ли какой в них вред?
Все ж как-никак — соседи...
Знал ты всех четверых,
Веришь ли в их злодейства?

— Верю...— шепнул и сник.

Верит.
Куда тут деться?

...Словно Москва тесна,
Ночь за фрамугой выла.
Ждал я напрасно сна —
Жалко мне парня было...
«Верю» — он так сказал.
Что ж не осилит дрожи?
Что же лежит в слезах,
Ежели верить может?

Что она, вера?
Дым?
А от чьего кадила?
Да и пойми,
каким
Душам необходима?
Может, она соблазн
Мира с собой и лада,
А заодно —
боязнь
Выскочить вон из ряда
В нéкуда,
в никудá —
В темень тюремной камеры...

И учинил тогда
Сам я себе экзамены:

Ты веришь?
Да нет же, не верю!..
Не верю, хоть столько годов
Любому двуногому зверю
Довериться был бы готов!
Не сделает парень и шага,
А ты уже (вдруг это друг!)
Бежишь, как плохая собака,
Давно утерявшая нюх.

И снова пустые страданья...
Зачем же про братство заныл?
И все ж таки из ресторана
Девчонку увез Михаил!
...Он снимет с богини ботинки,
И юбку, и свитер сдерет,
И сам поплывет, как на ринге
Плывешь, получив апперкот.
За окнами вьюга и темень —
Плевал он на вьюгу и тьму!
И девушка трепетным телом
Уже отвечает ему...

А тут одиноко, тут плохо,
С того и корежишь язык
И кроешь в три господа бога,
Раздвоясь, как опытный псих.
. . . .
А нежности — прорва...

2

Утром, как пили кофе,
Игорь вдруг стал смурной.
Понял я, что покоя
Нету ему со мной.
Встал я. Как мог доверчивей,
Кинул ему:
— Пока.
Где-нибудь возле вечера
Жди моего звонка.

...Снег!
Навалило снегу,
А все равно летел.
Мне, я решил, не к спеху...

Шел и на снег глядел.
Белым — испачкать жалко! —
Падал он на заре,
И сверкала Можайка
Чище, чем лазарет.

Рукава и погоны,
Спину, бока, башку,
Точно под душ, покорно
Я подставлял снежку.
До смерти все погано,
Сволочь — двадцатый век...
Так на душе похабно.
Так-то...
А все же — снег...

Свыкнись с планидой рабской
И поубавь свой раж...
Вправду ведь снег декабрьский —
Ласковый, словно врач?
Худо. Бездарно. Скверно.
Сдохнуть — и то не грех...
Все это очень верно,
Но, между прочим,— снег!..

И поутру́ под снегом
Думалось вновь и вновь:
Черт с ним, с двадцатым веком!
Есть ведь еще любовь.
От переделки мира
Только одна мура.
Плюнь. Есть девчонка Кира.
Стоит ее игра.

В двадцать четыре года
Поздно уже дурить.

Нового Дон Кихота
Некому здесь дарить.
Ты никакой не рыцарь,
Что же томиться зря,
А уж тем паче
                    тридцать
Первого декабря?

Ну давай о чем-нибудь высоком
Вспоминать для куражу начнем,
О высоком, светлом и веселом,
А еще бы лучше — о смешном.
Капитан, пуская в увольненье
До отбоя или до утра,
Принимал с улыбкой уверенья,
Что не схватим разного «добра»...
Память, временами оживая,
В затемненном, как кино, мозгу
Крутит кадры страха и желанья,
Крупным планом подает тоску —
И мелькают взводы и разводы,
А среди армейской суеты —
Муки от среды и до субботы,
Страхи от субботы до среды...

...Каменная коробка.
В двери пролез едва,
Началась проработка:
— Где пропадал, Мордва?
Тут заварилась каша:
Нас по полкам суют,
А батарее нашей
Можешь отдать салют...

Что же я так доверчиво
Парню сказал: «Пока.

Где-нибудь возле вечера
Жди моего звонка»?
Звякнуть ему?
                Да где там!..
Вон у ворот гудит
Новенький, крытый тентом
ГАЗ—51...

Путь!
И, почуяв путь,
Взвыл мотор, как ракета...
Думал я: будь что будь —
Не считал километры.
«Газик» из кожи лез,
Вырвался, зверь, на волю!..
Лес...
Что ж, решил я, лес
Все-таки лучше поля.
Но тут пошел плясать,
Вынырнув из-под кручи,
Развеселый пейзаж
С проволокой колючей.
Тошно мне стало, горько:
Жизнь моя здесь пройдет...

И на казенной койке
Встретил я Новый год.

...Наша запроходняга
Страх как была узка:
Пьяница и неряха,
Спал здесь начфин полка.
Рядом валялся парень
Вдвое длинней меня,
И все мы трое спали
Чуть не до часу дня.

После садились к печке,
Малость опохмелясь,
Передвигали пешки,
Резались в преферанс.
Полк противовоздушный,
Новый особый полк,
Пуст был еще
                и службой
Нас утомить не мог.

Или Дылда брал гитару,
Струны гладил не спеша,
И о будущем гадала
Лейтенантская душа.
И опять я видел четко,
Вроде четче и нельзя! —
Круглое лицо, и челку,
И зеленые глаза.
Перехватывало горло,
И просил я: «Не мани!
Понимаешь, как не скоро
Выберусь из западни?»
А она — какое дело
Ей до просьб моих? — она
Все глядела и глядела,
Удивления полна.

...— Семь,— я сказал обрадованно,—
Семь,— повторил,— червей...

И закричало радио
Тут про убийц-врачей.

Бывший бухгалтер Степка,
Рыжий чудной петух,
В рот опрокинул стопку
И обратился в слух.

— Верно! — он брякнул.— Правильно!
Всех их отправим в рай!
— Знаешь,— сказал я,— к дьяволу!
Слушай или играй.

Дылда озлился тоже:
— Чувствуешь? Семь червей!
Вот и не лезь из кожи,
Вроде бы не еврей...
— Дылда, оглох ты, видно,—
Выдохнул финансист.—
Заговор! Слышал, Дылда? —
Дылда ответил:
— Вист.

Выла за форткой полночь,
Снег поднялся, как пыль.
В полночь такую вспомнишь
Все, что давно забыл...

И я глядел, как сыпет снег,
О человеке думал:
Звучишь ты гордо, человек,
А как посмотришь — юмор!..
На всех нас сверху валит ложь,
Сердца и плечи давит,
А ты сидишь себе и ждешь,
Авось сама растает.
Соседа увела беда.
Плевать... Пьешь водку, сгорбясь.
Да были у тебя когда
Достоинство и гордость?
Все одобряешь, человек...
Суфлер глядит из люка,
А ты уж тянешь руку вверх,
Осклабясь, точно шлюха.

И ты, Мордва, не лучше всех,
А тюха и матюха...

Собачий нюх дала судьба,
Чтоб чуял, где нечисто,
И потому-то из тебя
Не вышло журналиста.
И королем полез в закут,
На край доски, за пешки...

Но и в углу тебя сожрут,
Хоть без особой спешки.

Точно повальный обыск
Начался в голове.
Понял я: надо в отпуск,
Комнату снять в Москве,
Сызнова сесть за книги,
Пить молоко с утра
И позабыть про крики
«Здравие» и «ура».

...Но поутрý начштаба,
Старый майор Клешня,
Буркалы, точно жаба,
Выкатил на меня:
— В отпуск? Ты больно вздорным
Что-то, Мордвинов, стал.
Я тебя суну взводным,
Чтоб не забыл устав.

...— Смирно! — вскричал сержант.
— Вольно,— сказал я,— вольно.

Двадцать пять салажат
Морщились неспокойно.

Кто здесь балбес, кто бес —
Не поймешь...
Гимнастерка
Весь человечий блеск
Скрыла, а может, стерла.

Тихие огольцы —
Даже глядеть неловко.
Головы-огурцы
Стрижены под «нулевку».

— Что ж,— я сказал незло,—
Вам повезло, начальники.
Здорово повезло,
Даже скажу — отчаянно.
Все-таки как-никак
Тут не солома-сено —
Электротехника,
Радиотехника —
Это и дома ценно.
Делу научим вас,
Радуйтесь — не печальтесь:
Выскочите в запас —
Будет у вас специальность.

Я им не городил
Всякой высокой чуши,
Потому карантин,
Рты приоткрывши, слушал.

...Долго тянулся день,
Точно состав товарный,
И никаких идей
Я не тащил в казарму.
Но для своих солдат
Больше я не был дьяволом

И замечал, как взгляд
У салажат оттаивал.
Что ж, может, в том вся суть!
Благости преисполненный,
Вовсе себя забудь,
Чтобы другие вспомнили.
Гордость свою дави,
Следуй приказам свято,
Господа не гневи
И возлюби солдата...

Мой командир полка
Сказывал благодушно:
— Что ж, лейтенант, пока
Ты понимаешь службу.
Так что давай держись!
Я — все, что надо, сделаю.
Прочно поставил жизнь —
Вылезешь в академию.

Но если я все-таки выжил
И если еще не спился,
Виною тому только лыжи,
Безропотные друзья.
Две темно-бордовые планки,
Две палки с упором колец
Меня уносили от пьянки
За балку, в нехоженый лес.
Сквозь ветки просвечивал полдень,
Деревья держали ряды,
И лес был, казалось, исполнен
Доверия и доброты.
Глядел я на тот несказанный,
На строй потемневших чудес.
«Что знал ты: Москву да казарму?! —
Казалось, подсказывал лес.—

О жизни горланил без толку
И вырос глухой и слепой:
Сосну принимаешь за елку
И путаешь сойку с совой.
Обрыдли земные приметы —
Газеты и Сталина власть?
Но только, поверь мне, все это
Не стоит ни славить, ни клясть.
Все канет — и славы, и войны,
Угаснет пора суеты,
Останусь я стройный и хвойный,
И хочешь — останешься ты.
Простому и вечному следуй,
Вражду замени на любовь,
Души не суши и не сетуй,
Что девушка не с тобой.
Ее-то никто не погубит,
Ревнивой душой не криви,
Не бойся — поймет и полюбит,
Когда дорастешь до любви!..»

Я шел вдоль замерзшего леса,
Блестевшего словно стекло,
И нежное в голову лезло,
И мужество в сердце текло.
И, словно всю душу России
Почувствовал в этом лесу,
Я многое, думал, осилю
И все что угодно снесу...

Только дела на лад
Шли у меня недолго.
Все поломал солдат
Яков Израйлич Дольберг.
Робок и бестолков,
Худенький, большеглазый,

Между моих орлов
Он выделялся сразу.
Шуткой закрутишь всех —
Яков Израйлич вздрагивает:
Вкусный солдатский смех
Весь от него отскакивает.

...Закруглялся февраль.
Дольберг с журналом взводным,
Помню, вошел в мой «рай».
— О,— я сказал,— ол-райт!
Как вы сейчас — свободны?
Сядьте.—
Стоял в дверях.
— Сядьте. Чего вы, Дольберг,
Истины нет в ногах,
Есть разговор надолго.

Сел. После пары фраз
Разговорился вроде...
Мама — районный врач,
Папа — погиб на фронте...

— Так. Ну а чем,— спросил,—
Вы занимались сами?
— В техникум поступил,
С третьего курса взяли.

«Что ж,— я подумал,— что ж,
Это давно знакомо:
Плох ли закон, хорош,
Не обсуждать законы —
Слушаться наш удел...»

Около печки жаркой
В стеганом он сидел,
Неотогретый, жалкий.
Много ли скажешь тут?
Вот я и ляпнул только:
— Э... Будет все зер гут!
Не унывайте, Дольберг.

Поднял солдат глаза.
Взгляд их был мудр и жуток.
— Слушайте,— он сказал,—
Разве нельзя без шуток?
Я не совсем чурбан...
Думаете, не знаю?..
Знаю, отвечу вам,
Что будет завтра с нами.
Слышали о врачах?..

— Тише,— сказал я,— тише...
Я о таких вещах
Вовсе не жажду слышать.

— Нет, вы ответьте мне:
Верите вы? Поверили?..

— Видишь ли... не вполне...

— Эх,— козырнул он мне,
Вышел и хлопнул дверью.

В ту ночь на исходе зимы
Я чуял грозовую тучу.
Свинцовый напев «Колымы»
Лился в мою смутную душу...

Тянулись, тонули года
В далеком глухом поселенье —
«Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени...»

Я понял, что Дольберг сболтнет:
Ему в это тяжкое время,
Как в смертной печи — кислород,
Глотнется мое недоверье.
«...Будь проклята ты, Колыма»,—
Казалось мне, пела гитара,
И песня не шла из ума,
И в дрему меня не кидало.

В полдень второго марта
(Даже запомнил день!)
Ползанью с автоматом
Я обучал людей.
Было на солнце жарко,
Холодно — на снегу...

Взмокла моя ушанка
И приросла к виску.

— Лето, Мордвинов, лето!..—
Оборотясь назад,
Я увидал старлея.
— Здравствуй,— он мне сказал.
(Был не из нашей части,
Изредка наезжал...)

— Здрасьте,— сказал я,— здрасьте,—
Зубы и губы сжав.

Весел и беззаботен,
Носом пуская дым,

— Ты,— он спросил,— свободен?
Может, поговорим?

Около пищеблока
Был этот кабинет.
Понял я: дело плохо,
Хода второго нет.
Вот она, тайная тайных,
И начинаешь здесь
Путь до полярных дальних,
Самых отпетых мест.

Роденька,
Родненький,
Век твой коротенький,
И не полковником —
Будешь колодником
В месте холодненьком,
Божьим угодником
Средь уголовников!..

Нет, не уйду далёко!..
Рухнув на табурет,
Я осторожный локоть
Двинул по кобуре.

В узенькой комнатенке
С тусклым окном во двор
Как-то совсем не тонко
Начал он разговор.
Больно высокомерный
Был у старлея тон...
Верно, и в час свой смертный
Смерти не видел он.
Мял сигарету в пальцах.

«Что ж,— я подумал,— что ж...
Может, кто-то сгибается,
Хрена меня согнешь.
Ладно уж, думать думай,
Лысые брови морщь,
Но как посмотришь в дуло,
Сразу про все поймешь...»

Но особист беспечный
Не услыхал угроз
И разговор неспешный
Переводил в допрос.

— Ходят,— сказал он,— слухи,
Вроде бы ты болтал...

«Слухи? А может, шлюхи
Ходят к тебе, болван?»

Но ничего такого
Вслух не сказал ему.
Только ответил:
— Что вы?
Что это вы? К чему?

— Нет, погоди. Не путай,—
Выдохнул особист.—
Сведенья были, будто
Ты защищал убийц.
Что говорил солдату?
Выдай наружу суть...

«Надо,— решил я,— надо,
Хватит уже тянуть...»

Но голова упорно
Отодвигала план.
— Э... Ничего не помню...
Вдребезг тогда был пьян...

(То ли солдата сгубишь,
То ль на себе ставь крест...)
— Пьян был...—
(А этот кукиш
Пусть собеседник съест...)
Скушал.
И дыма облако
Выпустил через нос.
— Ладно. Допросим Дольберга,
Что ты по пьяни нес.
Жду тебя завтра в гости.
Можешь идти. Пока.
— Бросьте,— сказал я,— бросьте...
Все это чепуха...

Дверь распахнул и вздрогнул.
Шприцем вкололась мысль:
«Что ж ты его не кокнул?
Может, забыл? Вернись».

Но не вернулся.
Медленно
Двести прошел шагов,
И на плацу заметили,
Что офицер готов...

Лодкой качалась комната.
Лег я — меня трясло.
То становилось холодно,
То вдруг совсем тепло.

— Ты побелей рубахи.
Выпей,— сказал Степан
И деревенской браги
Мне нацедил стакан.
Был он бухой и плакал.
— Брось,— я сказал,— фигня.
Ну закатают в лагерь...
Первого ли меня?

Дылда, меня подвинув,
Сел у меня в ногах.
Дылда шепнул:
— Мордвинов,
Не отдавай наган.

И стало тихо-тихо,
Как под водой на дне.
Только будильник тикал
В кухоньке на окне.
Как в забытьи я гладил
Черный живой металл.
Степка — тот прямо спятил,
Точно дите, рыдал.

И в тишине могильной
Вдруг раскатился звон.
Кто там еще? Будильник?
Нет. Это телефон.
...Лучше уж с ходу в пропасть...
Встал я. Решил: меня...
— Завтра поедешь в отпуск,—
В трубке шипел Клешня.—
Так что еще до света
Сдай помкомвзводу взвод.
В отпуск пойдешь за этот
И за прошедший год.

3

Сержантик взвизгнул:
— Смирна! —
Я нехотя зевнул
И с вымученной миной
Лениво козырнул.
Мол, еду и так далее...

И взвод моих телят
Ответил:
— До свидания,
Товарищ лейтенант.

Три тысячи на счетах
Нащелкал мне начфин.
...Пойми, какого черта
Клешня пошел на финт?
Жалел по-человечьи?
Был тоже человек?..

...И в Клязьме в этот вечер
Я праздновал побег.
Без хлеба и без масла
Хватил за килограмм,
И золотая Маша
Вела меня под кран.
Стыдила, матом крыла:
— Не блюй на сарафан!..—
А я кричал ей:
— Кира! —
И руки целовал.

Я клялся:
— Здесь не сыщут,
Не сунут под засов —
Крутнем любовь на тыщу
Четыреста часов!..

— Уймись,— она орала,
Но лезло из меня:
— Спасибо за подарок,
Штабс-капитан Клешня!..

...А поутру́ спросонья
Ма́шин услышал вздох:
— Иосиф Виссарионыч,
Бедный-то, сильно плох...

Радио, черное, круглое,
Каркнуло про вождя
И ничего — не рухнуло,
Не сорвалось с гвоздя.
Только всплакнула девка,
Сирая, как овца...
— Брось,— я сказал ей,— детка,
Выкарабкается...—
Ну это дело в баню...
Хватит с меня речей.
Лучше поеду к парню,
Знавшему про врачей.
Помнится, опрометчиво
Брякнул ему:
«Пока.
Где-нибудь возле вечера
Жди моего звонка».

...Дом на Можайке.
Глыба,

Радовавшая глаз.
ОВОЩИ КНИГИ РЫБА
Были как в прошлый раз.

Игорь дверей не отпер,
Только полуоткрыл
И — не скажу, что обмер —
Просто лицо скривил.
— Что,— я спросил,— некстати?
Ты меня извини.
— Да,— он сказал в досаде,—
Лучше сперва звони.

...Шел обратно по Можайке,
архижалкий,
Весь багровый от стыда.
Умолять: «Пойми!» Но шавкой,
попрошайкой
Не бывал я никогда.

Если парни на догадки
больно падки,
Возражать — напрасный труд.
Скажут: «Знаем... Сказки-байки...
В зоопарке
Объясняй, что не верблюд...»

КНИГИ ОВОЩИ АПТЕКА...
Куча снега...
Окунуться б сгоряча...
Подлая привычка века —
человека
Принимать за стукача.

...Струсил друг твой? Ладно. Будет.
Не нуди и не жалей.

Ни черта не смыслишь в людях —
Ставь тогда на лошадей.
Меньше пыла, меньше гнева,
Всё на свете — чепуха!
И с душой, пустой, как небо,
Я поехал на бега.

...Споры. Огненные взоры.
Вздохи. Гомон. Горе. Страх.
Идиотские камзолы
На прожженных мастерах.
Возле касс и на трибуне
Негде яблоку упасть.

Что прознаешь в этой буре?
Как тут ставить?
Ставь на масть!

Серый... Вороной... Гнедая...
Пегий... Вороной опять...
Демократия гнилая!
За кого ж голосовать?

Все-таки дóбыл сумму!
Радуйся, человек.
...Но догорел без шуму
Вслед за средой четверг.
С пышной, как насыпь, койки
Маша пускала храп.
Спать?
Но в ту ночь настолько
Я уже не был храбр.
И с головою-камнем,
Скучен, брезглив и трезв,
Руки скрестив, как Гамлет,
Сам себе в душу лез:
«Сумма? Известно — сумма!

Только заткнись, трепло...
Утром полтинник сунул
В справочное бюро?
Что же с судьбою сломанной
Лезешь ломать дрова?
Мало ли вдов соломенных,
А, лейтенант Мордва?
Ты пожалей девчонку
С круглым чудны́м лицом
И темно-бурой челкой...
Ладно»,— шепнул сквозь сон.

. . . .

Радио прошипело
И уже под Шопена:
— Умер! Ты слышал — умер?! —
Маша меня трясла.

Но не о том я думал,
Не отключась от сна.

. . . .

В Клязьме, в Мытищах, в Лоси
Флаги уже с каймой,
А в электричке — слезы:
— Господи!..
— Боже мой...

Горе на самом деле
И фейерверк идей:
— Будет лежать неделю.
Ленин лежал пять дней.

Сведенья, пренья, мненья,
И весь упор на том:
— Кем же его заменим?

— Нету таких.
— Найдем!..

Спор и подбор по сходству:
— Нету!..
— Есть!..—
И опять
Приступы доброхотства:
— Видно, Москву придется
Переименовать...

Смерть...
А к добру ли, к худу —
Надобно посмотреть.
Я принимал покуда
Только всю сумму:
Смерть.

Смерть — это свет покинул,
Плюнул, раздумал жить...
И на тебе, Мордвинов,
Будто вина лежит...

Все было тут —
Неловкость,
Небытия испуг
И неземная легкость,
Будто продулся в пух,

А еще — откровение:
Жив? Так давай живи!
Мало осталось времени
Прятаться от любви!

...На панели снег желтел,
День весенний свету радовался.

Я подметок не жалел
И летел — не оборачивался!
Шел народ в Колонный зал,
Где лежал генералиссимус,
А я мчал, углы срезал,
Обожая независимость.
Как-нибудь уж без меня
Горе с преданностью выразите...
Я и так сгубил три дня
Из отмеренных шестидесяти.

...Этак с четыре метра
Комната — что купе.

Я оробел заметно.
— Можно,— спросил,— к тебе?

И засмеялась просто,
Запросто — хорошо:
Дескать, к чему вопрос-то,
Если уже вошел?

...Полка над креслом дачным,
Стол да еще тахта...

— Сядь. Ох и, знаешь, мрачным
Выглядел ты тогда.
Мрачно-великодушным...
Скушным... (Меня прости!)
Что же, не вышло дружбы?
— Нет...
— Ну и не грусти.

Синие брюки. Свитер
Белый, как первый снег.
Я ведь и раньше видел:
Свой она человек,—

И ни духов, ни лоску —
Чистая, без вранья,
Вся, как сказал бы — в доску
Или по гроб своя.

— Сядь,— повторила снова.—
Ну отчего ты скис?
Я хоть с причиной — ногу
Упаковали в гипс.
Вот и сижу, оставлена
Всеми который день...
Тошно. К тому ж на Сталина
Хочется поглядеть...

И без оглядки, жадно
Выдохнул, как труба:
— Где твои шуба-шапка?
Я потащу тебя...

По Мещанке шел народ
Глух и одержим,
Шел до Сретенских ворот,
Где заслон машин,
Где стояли гул и гвалт,
Мутный плавал пар —
И до Трубной
спуском в ад
Выглядел бульвар.

Безрассудная толпа
По бульвару шла
И еще была добра
И уже страшна.
Шла, как стадо, как табун,
К Трубной,
на убой.

Шла, как раньше шла на бунт,
Нынче — на футбол.

...И меня попутал бес,
Стих нашел,
                и вмиг
Я с девчонкою полез
Через грузовик.

...Вниз!
Поскорее вниз!
Хуже овец Панурга...

Резаный детский визг
Слева ударил в ухо.
Женский звериный крик:
— Димка?!
Да где ты, Димка?!

Интеллигент старик
Высказался:
— Ходынка...—
Ехал паркетом наст,
Некоторые падали...
Крепко прижали нас
К стенке райкома партии.
Вопли:
— Да как же так?!
Крики:
— Да что ж такое?!
Кто-то изрек:
— Кабак...—
Кира шепнула:
— Гойя...

Мой баритон глухой
Ломким стал от волненья,
Я всполошил рукой
Шапку ее оленью.
— Бог с ней, с чудной толпой!
Гойя — вот это здорово!..
Кто-то, а мы с тобой
Не потеряли головы...

Но, позабыв про цель,
Пёрло людское месиво.
Те, кто был жив и цел,
В целом глядели весело,
Как на дороге в ад...
И подхватил я ловко
Девушку, как снаряд
От стомиллиметровки...
...Руки мои — спасибо!
Ноги — и вам хвала!
Левая не скользила,
Правая не сдала.
И через площадь ночью
(Где столько сот легло...)
Я пронес эту ношу
Бережно и легко.

И, щекой припав к шинели,
Дразнила:
— А ведь
Ты жалеешь!..
— Не жалею.
— Нет, честно ответь:
Злишься? Вывихнула ногу,
А ты — пострадал...
Без меня уже давно бы
В Колонном рыдал...

— Будет,— выдавил усмешку,—
Авось донесу.
Ты подцень на это Мишку,
Пусть он льет слезу.
У меня другое горе,
Не этим проймешь...
Я скажу тебе такое,
Что с ходу поймешь...

Среди гомона и крика
В безликой толпе
Я шепнул ей:
— Слышишь, Кирка?
Я верю тебе!

Слышишь?.. Усопший гений —
Диво не для меня.
Жалкий кусок шагрени
Выкинул мне Клешня...

И провалились толпы,
Сник милицейский свист —
Встали начфин и Дольберг,
Дылда и особист...
Словно бы кинолента,
Пущенная в разнос:
ЛЕТО, МОРДВИНОВ, ЛЕТО...
ЧТО ТЫ ПО ПЬЯНИ НЕС...
НЕ ОТДАВАЙ, МОРДВИНОВ...
В ОТПУСК ПОЙДЕШЬ, БОЛВАН...

Вот что пред ней я вынул —
И заревел бульвар.

С жалостью или лаской —
Сразу и не понять —

Мяла шинельный лацкан:
— Глупый ты, лейтенант...
Странный какой-то, дикий
Ну, все равно — малыш...
Друг твой случайный Игорь
Думал, что ты стучишь...

И покраснев, сказала,
Будто открылась вся:
— Где же ты спишь? В казарме?
Там же тебе нельзя!..

...А в небе уже серела
Меж облаками плешь,
И постепенно зрела
С края бульвара брешь.
И наконец отпущенный
Взмокший народный вал,
Как через шлюз,
по Пушкинской
Хлынул в Колонный зал.

...Утро. А тут — все полночь.
И за горой венков —
Молотов, Каганович,
Берия, Маленков...
Гордые и стальные,
Гроб стерегли они.
Четверо. Остальные
Были еще в тени.

Черный муар и красный,
Въедливый, точно газ,
Слезы любви и рабства
Всем выжимал из глаз.

Так меня прохватило,
Чуть ли не сбило с ног,
Аж до ее квартиры
Слова сказать не мог.

— Вымотался, бедняга?
— Нет. Я пойду...
— Куда?
Брось. Вот тебе тахта.
Спи. Я у мамы лягу.

4

Я даже не сказал:
— Спасибо! —
Не лег, а рухнул наповал...

И вновь толпа меня вносила
По той же Трубной на бульвар.

Он весь был до краев заполнен,
Был снят грузовиков заслон,
И походила ночь на полдень
От факелов и от знамен.
Шагали толпы, пели толпы,
И не про злобу — про любовь.

Шел Дылда, шли начфин и Дольберг,
Погоны с шинелéй споров.
Шел особист и не уныло
Глядел,
а я спросил:
— Чудак,
Как лучше: так или как было? —
И он сказал:
— Понятно, так...

Шла Машка, милая корова,
В манто каком-то голубом,
И топал караул от гроба,
Забыв об усаче рябом.

Был сон как фильм!
Глядишь — не веришь,
А все же глаз не оторвешь!..
Но дивом,
зрелищем из зрелищ! —
Был вождь.
Шагал усопший вождь.
Шел пастырь, позабытый паствой,
Ворчал:
— Как сладыть с дурачьем?
Свобода? Равэнства и братства?
Нэ страшно... Занывa начном.

Во человецех мир!
Олива
Вовсю цвела
Бульвар галдел...
И я счастливо и сопливо,
Как Вера Павловна глядел.

И среди гомона и крика
Вдруг понял:
Нет ее одной...
И вспомнил, вздрогнул:
— Где ты, Кирка? —
И:
— Спи,— услышал,— спи, родной...

Те же четыре метра,
Только теперь темно.
...Голосом очумелым:
— Здесь ты,— спросил,— давно?

— Только из поликлиники —
Видишь, мне сняли гипс...

И на меня нахлынуло,
Обнял ее:
— Нагнись...

Губы с губами. Долго.
Так, что свело в груди.
Ох ты, надето сколько,
Как тут тебя найти?
Больше нельзя нам порознь!..
Врозь мы с тобой помрем...
Где ты?..
И жадный поиск...
Вот!.. Наконец вдвоем.
Вместе. Навек. До гроба.
На земле. Под землей.
Ты, как земля, огромна!
Сколько тебя со мной?!
Трижды благословенна
Жизнь моя, сразу вся!
Все мои четверть века —
Это к тебе стезя.
Бредни, метанья по свету,
Бедный армейский блуд —
Все это к бесу...
                    Господи,
Как я тебя люблю!..

Полураскрыты губы,
Жадно раздета грудь,
И не идет на убыль
Жаркий, как лето, путь
В радость
          из одиночества,

В счастье,
В родимый дом...

Вот он...
Теперь он кончится...
Нет, не теперь — потом!
Ближе, роднее, крепче...
И вдруг,
упав во мглу,
Девушка хрипло шепчет:
— Не уходи — умру...—
И, затихая, кротко,
Ласково, без стыда:
— Родька... Спасибо, Родька...
Ты меня так — всегда...

Как в картах:
прошло невезение —
И масти попёрли нещадно.
Идет непогода весенняя,
Поземка метет по Мещанке...
И в хвост,
нарыдаться надеявшись,
Встают миллионы безумных...
А ты этой полночью с девушкой
Вдруг счастлив легко и бездумно.

Мороз.
И доходят от холода
Бедняги в местах заключенья,
И ждут новичка...
Только все это
Пока не имеет значенья.
И ты обнимаешь любимое,
Вдруг с ходу такое родное,

Прильнувшее, неуловимое,
Неистовое, молодое!..

В том же подъезде комнату
Сдал мне глухой старик.
Мебель донельзя скромная,
Только что — пропасть книг:
Библия, князь Кропоткин,
Ницше, В. Соловьев...
Ветхий завет ободран,
Князь — первозданно нов.

Суше пустыни лагерь,
Так что уж в самый раз,
Как драгоценной влаги,
Мудрости взять запас.
Но, хоть оно и грустно,
Князю с его борьбой,
Ездре и Заратустре —
Я предпочел любовь.

Книгами стали простыни,
Книгами и кино...
Мы друг для друга созданы,
Больше ни для кого!..

Только все чаще, чаще,
Будто погряз в долгу,
Посередине счастья
Я узнавал тоску.
Кира не понимала,
Голову в полусне
Нехотя поднимала.
— Милый,— шептала мне.—
Выбрось дурные мысли,

Выкури их, как дым...
Нету ведь больше Мишки,
Есть только ты один...

А я ей голову гладил,
Челки не теребя.
— Ты знаешь, я, верно, спятил,
Но это из-за тебя.
Уже не могу иначе,
Хотел бы, а не могу:
Несчастный еврейский мальчик
Булавкой засел в мозгу.
Я съезжу. Туда — недолго,
К рассвету вернусь назад.
Скажу ему: «Слушай, Дольберг,
Ни в чем ты не виноват!»
Нельзя мне дрожать по-рабьи,
Влюбился — тогда будь храбр.
— Но, Родька, ты, в общем, храбрый...
— Да нет, я лишь беглый раб.

...Сначала полночный поезд,
Потом — двадцать верст впотьмах.
Как нож ледокола, совесть
Ломала примерзший страх.

...Зевнул, возвращая пропуск,
Дежурный по КПП:
— Ну, как протекает отпуск? —
Соврал я:
— Да так себе...

Казарменный дух из мрака,
Как спирт, шибанул мне в нос.
Таращил глаза салага,
А я вдохновенно нес:
— Да бросьте глазища пялить.

Чисты вы, во всем чисты!
Хотите, ну вот на память
Возьмите мои часы!..
Не стоит, не надо, Дольберг,
Себя трехэтажно клясть.
Фортуна тасует долго,
Но выдаст зато всю масть!
Уж выскочить не надеешься —
Так загнан, забит, забыт...
И вдруг — возникает девушка,
И где он, тот счет обид?

Поняли?..

Он не понял.
В зéнках цвела печаль.
...Я плечами пожал
И поутрý, не пойман,
В стенку свою стучал.
... Все пред глазами плавало:
Пол, полка, двери, шкаф...
И как ребенок плакала
Лучшая девушка...

Она была...
Но пересказ
Навряд ли мне удастся —
Прямая, словно родилась
В свободном государстве.
В одних есть лесть,
В других есть спесь,
А в третьих — целый комплекс
Неполноценности...
А здесь —
Уверенность и гордость.
И даже в те часы, когда

Со мною веткой стлалась,
Была в ней силы полнота
И только сверху — слабость.

А я как жил?
Я бога крыл
И открывал мир божий
Не крыльями —
Я был бескрыл —
А содранною кожей.

...Что из тех дней припомнить?
Точно, как часовой,
Я заявлялся в полдень
В скверик на Моховой
Как мальчишка, жадно
На ледяной скамье
Ждал все того же кадра:
Кира бежит ко мне,
Из-под оленьей шапки
Выбита ветром прядь...
Глянешь — и станет зябко,
Жалости не унять.
— Выше, Мордвинов, голову,—
Скажет моя любовь.—
Все, вот увидишь, здорово
Выйдет у нас с тобой.

Шли мы сквозь город снежный,
Ветер свистел в ушах,
Но подымалась нежность
В сердце, как на дрожжах.
И, от смущенья горбясь,
Вдруг признавался я:
— Ты моя страсть и гордость.
— Знаю. А ты — моя.

В светлые кабаки
Шли мы порой дневною,
Резали шашлыки,
Пили вино сухое.
Таял, точно дистрофик,
Отпуск мой с каждым днем,
Но, оседлавши столик,
Я забывал о нем.

Ну а всего чудесней
Полночью, да и днем,
Отзвуки Песни Песней
В логовище моем.
Выглаженное платье
Скинуто за матрас,
И сведены объятья
Словно в последний раз.

Всем бытием непрочным,
Смутным, как негатив,
Всем безнадежным прошлым,
Будущим никаким,
Чуть не потухшей искрой,
Полымя вздувшей вдруг,
Мукой, разлукой близкой,
Мужеством всех разлук,
Суммой пошедших прахом
Юных надежд и сил,
Страстью, страданьем, страхом —
Всем я ее любил!..

Тот же и непохожий
Пусть по одной тропе,
Путь без пути...

Так что же
Тщусь я найти в тебе?!

Видно, в порывах ярых
Все был избыть готов,
Чтобы потом на нарах
Липких не видеть снов,—
Выдавить, к черту выжать,
Как из лимона сок,
Чтобы достойно выжить,
Выдержать полный срок.

И, как на берег лодка,
Вброшенная волной,
Кира стихала:
— Родька,
Как хорошо с тобой...

И совершилось чудо!
Олива расцвела...

Я помню это утро
Четвертого числа.
Вбежала Кира с «Правдой»:
— Давай «ура» кричи!
Ох, будь они неладны,
Оправданы врачи!..

Я вчитывался в строки,
Впивался между строк,
И не было восторга,
Не шел ко мне восторг.
И вместо утешенья,
Что мой испуг — прощай! —
Почуял униженье,
Обиду и печаль.

И вслух подумал:
— Тщетно
Все наше торжество.
Кто мы такие? Щепки.
Не более того.
Нас пилят, рубят, давят,
Черт знает где гноят
И вдруг спасенье дарят —
На кой оно нам ляд?!

Но Кира, точно плеткой,
Хлестнула сгоряча:
— Не корчи, слышишь, Родька,
Ты из себя сыча.
И не гляди спесиво,
Не злобься, не ханжи.
Спасли? Скажи «спасибо»,
«Спасиба» стоит жизнь!..

Я взглядов не отстаивал,
Да я их не имел.
Я попросту оттаивал
И от губ хмелел.
И улыбалась, тихая:
— Бывает... Ничего...
Пошли поздравим Игоря
И отца его...

Спасшийся тоже чудом
Нестроевой солдат,
С белым, как пена, чубом,
Был мне сперва как брат.
— Ну, не гляди угрюмо.
(Он говорил мне — ты)
Как матросня из трюма,
Мы пред собой чисты.

Уголь кидали в топку
От темна до темна,
Если ж не вышло толку —
Наша ли в том вина?
Пьянки в кают-компании
И капитан-маньяк...
Хватит самокопания!
Пей, лейтенант, коньяк.

— Что ж,— я сказал,— все правильно.
Дальше-то будет как?..

Врач мне ответил:
— Весело
Будет. Уж ты не спорь.
Будет сплошная Швеция —
Следственно — секс и спорт.
Сытость. Машины. Дачи.
Тыщи кинокартин.
И для души — в придачу —
Бдительность. Карантин.
Словом, пойдет спокойное
Царствие — благодать...

— Нет,— я сказал полковнику,—
Этому не бывать.
Нам не такое надо.
Дети большой тщеты,
Все мы взыскуем Града...

— Это от нищеты...

Поднял глаза на стены
И опустил их вниз.
Да, для подобной темы
Был я и вправду нищ.

Весь антураж квартиры,
Скопище блюд и ваз,
Книги, ковры, картины —
Не про меня рассказ,
А про кого угодно,
Но не про голытьбу,
Не про мое сегодня,
Завтра и всю судьбу.

. . . .

Майский рассвет встает,
Кутаясь в дымку синюю.
У полковых ворот
Дольберг читает «Химию».
— Что,— говорю,— герой,
Много у вас претензий
Или в стране родной
Все хорошо донельзя?

— Да,— говорит, лучась,—
Все хорошо. Так точно.
Сдам за десятый класс
И подам на заочный...

Думаю:
«Вон какой!»
Но я хочу быть добрым
И говорю с тоской:
— Вы молодчина, Дольберг.

...Вот он, родной овин —
И перегаром бражки
Дышит в лицо начфин:
— Ты родился́ в рубашке! —
И со своих высот
Мрачно вещает Дылда:
— Дважды не повезет,

Рвать надо когти, видно.
Армию от дерьма
Запросто станут чистить.
Больше дурных нема.
Хватит. Вали в таксисты.

. . . .

...Облака-корабли
В небе плывут лазурном,
И, как в моей любви,
Кажется все разумным.
Балка. За балкой кряж.
Строго стоят деревья.
Лес — точно Эрмитаж:
Выставлены шедевры.
Просекой входишь в зал,
Благости преисполнясь:
Здорово написал,
Жаль, не поставил подпись.
В трещинах — крик и боль,
Немощность — в сучьях ветхих,
Трепетная любовь
В женственно-нежных ветках,
Да и во всем лесу
Пропасть добра и мысли.
Стой, узнавай красу
И удивляйся жизни...

Лечат мою тоску
Сосны, дубы, березы...

Но все равно в мозгу
Вертятся все вопросы.
Думаешь: что за мрак?
Худо и одиноко.
Вечно ни с кем никак
Не попадаешь в ногу.

Страждешь и лезешь к старшим.
Старшим — поставь свечу.
Им, от вранья уставшим,
Честность не по плечу.

Но и не ной, как нищий:
Век не навек тяжел!
Может, своих отыщешь,
Девушку ведь нашел.
Правильно,
Хоть и медленно
Жизнь обучает нас.
Но, осознав трагедию,
Легче постигнешь фарс.
Только о прошлом вспомнишь,
Сразу смекнешь, где ложь...

Ну а того, кто понял,
Разве опять согнешь?!

1958 — 1960

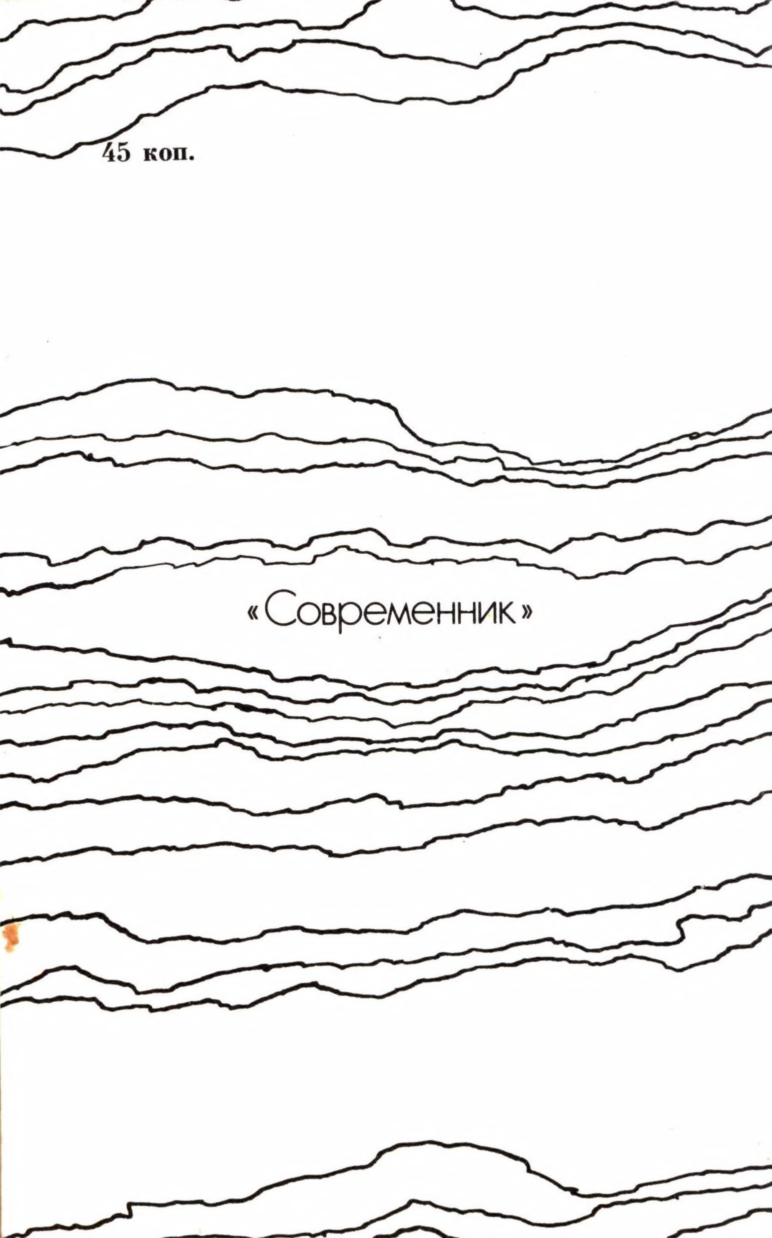
Содержание

В шестидесятые годы имя Владимира Корнилова было хорошо известно любителям поэзии. Он выпустил две поэтические книги — «Пристань» и «Возраст». Но в начале семидесятых годов, в период так называемых «застойных явлений», имя В. Корнилова оказалось вычеркнутым из числа имен печатающихся поэтов.

Лишь в последние годы вновь появились его большие поэтические подборки в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Огонек» и других.

Владимир Корнилов родился в 1928 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей СССР. Живет в Москве.

45 коп.
«Современник»